

О. В. Петешова

**К ВОПРОСУ О ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПУРИЗМЕ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Анализируются масштабные переименования населенных пунктов, осуществленные руководством Германии в конце 30-х гг. XX в. с целью германизации прусских территорий государства. Сделан вывод о непоследовательности декларируемой в современных научных кругах пуристической деятельности немецких национал-социалистов.

This article analyses the large-scale renaming campaign held by the German leadership in the late 1930s in order to Germanise the Prussian territories of the state. It is concluded that the puristic activities of German National Socialists widely discussed in the modern scientific community were inconsistent.

Ключевые слова: переименование, топоним, пуризм, германизация, Восточная Пруссия, национал-социализм.

Key words: renaming, toponym, purism, Germanisation, East Prussia, National socialism.

Как известно, **пуризм** называют стремление общественности или отдельных ученых-лингвистов к очистке литературного языка от иноязычных заимствований [4, с. 247], которое, как правило, активизируется в периоды роста национального самосознания [1, с. 114] либо в тоталитарных государствах.

литарных государствах, где вопрос о единстве нации всегда стоит особенно остро. Не случайно одной из самых исторически значимых волн языкового пуризма считается планомерно реализуемая в национал-социалистической Германии 30-х гг. XX в. кампания по замене заимствованных слов и интернациональных терминов на создаваемые специальным языковым обществом немецкие неологизмы [3, с. 76].

Данная кампания затронула также названия прусских и литовских по своему происхождению населенных пунктов Северо-Восточной Пруссии, расположенных на территории современной Калининградской области. В отдельных энциклопедиях [2] утверждается, что нормативным актом от 16 июля 1938 г. тотальной **германизации** было подвергнуто большинство **топонимов, имеющих негерманские корни**.

Опираясь на этот тезис, мы поставили себе задачей установить, действительно ли можно рассматривать соответствующие топонимические переименования как последовательную пуристически ориентированную кампанию. С этой целью за неимением доступа к оригинальным нацистским документам мы сопоставили ойконимы, то есть названия различных населенных пунктов, донацистских и нацистских карт [5–6]. Методом сплошной выборки нами был подготовлен список из 245 пар «исходный балтийский → новый немецкий топоним», для каждого из его элементов определена семантика. При анализе указанного материала удалось выявить три основных типа соответствий между исходными и новыми топонимами, характеристика которых позволяет констатировать степень последовательности описываемой пуристической кампании. Рассмотрим их.

Итак, наименее частотными из трех типов топонимических соответствий следует считать **независимые переименования** населенных пунктов (это 48 случаев из всего исследуемого массива). Практически все данные переименования (кроме ничем не мотивированной замены немецкого *Sandfluss* = «песчаная река» на немецкое *Lindental* = «липовая долина»), казалось бы, представляют собой иллюстрации постепенной германизации в сфере топонимики. Приведем примеры: древнепрусский топоним *Popelken* со значением «около мохового болота» был заменен на немецкоязычный топоним *Markthausen* = «рыночное местечко»; вместо прусского названия *Abschrutten* = «барсучий» немцы стали пользоваться более понятным им обозначением *Lindenwalde* = «липовый лес» (см. также пары *Jodlaucken* = «черное поле» → *Schwalbenthal* = «долина ласточек», *Wischeiten* = «куриное местечко» → *Kleinsommershafen* = «маленький летний порт», *Nausseden* = «новое поселение» → *Kleindünen* = «малые дюны» и т. п.).

Тем не менее в рамках данного типа нацистских переименований непоследовательной остается германизация составных топонимов, один из компонентов которых (обычно со значением размера или возраста населенного пункта) имел ярко выраженное немецкое происхождение. Во всех шести зафиксированных нами случаях, в частности при переименованиях *Klein Niebudschen* = «маленький поселок на реке Нибудис» → *Bärengraben* = «медвежий ров» и *Gross Sodehnen* = «большой по-

село с фруктовым садом» → *Grenzen* = «приграничное», семантика подобных германских компонентов совершенно не передавалась в составе новых ойконимов.

Еще большую непоследовательность нацистских пуристов мы обнаруживаем при изучении самой обширной группы интересующих нас топонимических соответствий — **непереименованных** населенных пунктов (135 названий). В этом случае на карте Северо-Восточной Пруссии сохранились исходные топонимы балтийского происхождения (65 наименований, то есть почти 50 % в одной только нашей ограниченной выборке, например *Perpolken*, *Pomauden*, *Magotten*, *Gubehnen*, *Genslack* или *Kubbeln*).

70

Пытаясь как-либо обосновать бездействие руководства Третьего рейха по отношению к этим топонимам, мы проверили легитимность следующего ряда возможных **факторов, препятствующих их германизации**.

1. Региональная значимость населенного пункта, подлежащего переименованию. И действительно, почти все более или менее крупные географические объекты исследуемых районов (*Tapiau*, *Wehlau*, *Gumbinnen*, *Ragnit*, *Insterburg* — сегодня это такие существенные в Калининградской области городские поселения, как Гвардейск, Знаменск, Гусев, Неман, Черняховск) сохранили свои исходные обозначения.

Вместе с тем найденная нами закономерность по неизвестной причине не реализуется при переименовании центра одного из немецких округов того времени — города *Stallupönen* → *Ebenrode* (значимость его в те времена сопоставима с важностью его калининградского города-«эквивалента» — районного центра Нестеров).

2. Представленность в структуре сложного исходного топонима хотя бы одного немецкоязычного компонента. Так, наполовину балтийские прежние названия остались у населенных пунктов типа *Adlig Popelken* (от немецкого «дворянский» и прусского «расположенный позади пахотного поля»), *Groß Mixeln* (от немецкого «большой» и прусского «немецкое поселение») и *Großschunkern* (от немецкого «большой» и литовского «объездной путь»).

Однако нацистские пуристы и в этой ситуации оказываются непоследовательными, поскольку, как уже было упомянуто при разборе первого типа топонимических соответствий, значительное количество ойконимов сходного состава новое руководство переименовало без учета их изначальной семантики.

3. Фонетическое сходство исходного топонима с распространенной лексемой немецкого языка. Среди материала нашего исследования данный факт проявляется, по меньшей мере, семикратно. В частности, прусская лексема *Brandlacken* = «поле с зерном» отчасти напоминает немецкое слово *Brand* = «пожар»; лексема *Sanditten* = «объединяющий поселок» созвучна со словом *Sand* = «песок»; начало лексемы *Kindschen* = «поселение лекарей» звучит аналогично современному *Kind* = «ребенок».

Но и в случае фонетического сходства присутствуют довольно многочисленные исключения. Например, ойконим *Meernitze* = «увлажняющий», первый компонент которого даже по написанию абсолютно совпадает с немецким словом *Meer* = «море», преобразуется пуристами

в *Mittelbach* = «срединный ручей». В еще одном имени-исключении — номинации поселка *Bilderweitschen* = «место, где говорят», включающем аллюзию на немецкое *Bilder* = «картины», — второй компонент меняется на германское *Weiten* = «дали».

4. Происхождение ойконима от гидронима, не подвергнувшегося переименованиям в конце 30-х гг. XX в. Анализ показал, что лишь применительно к этой группе непереименованных населенных пунктов можно говорить о методично реализуемой пуристической кампании. Правда, с одной оговоркой: к названной группе относится всего четыре лексические единицы (ойконим *Insterburg* образован от гидронима *Inster*, *Pregelau* — от *Pregel*, *Bredauen* — от названия водоема *Bredaune*, *Rominten* — от имени реки *Rominte*).

Наконец, характеризуя третий тип изучаемых топонимических соответствий, к которому принадлежат 62 пары топонимов, а именно **согласованные переименования** (с сохранением той или иной привязки к исходной топонимике), мы также выявили целую серию нелогичных решений нацистского руководства в плане осуществления своей пуристической политики.

Всё начинается с того, что не каждый согласованно переименованный топоним был исконно балтийским¹. В чистом виде это утверждение касается лишь переименования *Birkenfelde* → *Kleinbirkenfelde*, при котором к исходному немецкому слову «березовое поле» просто добавляется немецкий же компонент со значением «маленькое».

Однако в определенной мере наше утверждение справедливо и для еще одной группы переименований, потому что в структуре 21-го из согласованно измененных нацистскими пуристами топонимов изначально присутствовал немецкий компонент, который во многих случаях переносился в структуру новых названий населенных пунктов. К примеру, вместо поселка *Groß Kummeln* = «большой поселок для наемных рабочих», в имени которого только второй компонент однозначно прусский, с 1938 г. на картах возникает поселение с чисто немецкоязычным наименованием *Groß Kummen* = «большая чаша». Аналогичным образом топоним *Groß Wingsnupönen* = «большой поселок на реке Вингснуп» заменяется пуристами на топоним *Großwingen*, складывающийся из слова «большой» и немецкого личного имени.

В связи с непоследовательностью пуристов немецкий компонент часто опускается, как это происходит в парах ойконимов *Neu Argeningken* = «новое место на реке Арге» → *Argenbrück* = «мост через реку Арге» или *Groß Berschkallen* «большая березовая гора» → *Birken* «березы».

Следующая непоследовательность нацистских пуристов заключается в том, что проводимая ими при согласованных переименованиях германизация не всегда была окончательной. Конечно, в некоторой мере она имела место при обоих представленных в нашем языковом материале способах топонимического согласования.

¹ Употребляя термин «балтийский», мы имеем в виду отсутствие у исследователей точных сведений о том, является ли конкретный языковой элемент древнепрусским или древнелитовским, при условии, что сомнений в его принадлежности к одному из этих языков у исследователей нет.

1. При переименованиях с учетом исходной семантики (их 25).

Они осуществлялись либо путем перевода изначальных топонимов или их компонентов, например в случаях *Kinderwaitschen* = «детское место» → *Kinderhausen* = «детское место», *Medukallen* = «медовая гора» → → *Honigberg* = «медовая гора», *Augstupönen* = «на высокой реке» → → *Hochfließ* = «высокая река», либо номинацией по ассоциативному принципу типа *Ischdaggen* = «земля, ставшая плодородной после выжигания леса» → *Branden* = «пожарище» и *Schillkojen* = «поселок на пустоши» → → *Auerfließ* = «поток на лугу» (здесь тематическую соотнесенность исходного и нового топонима, конечно, следует рассматривать как несколько более отдаленную, чем в предыдущей топонимической паре).

2. При переименованиях без учета исходной семантики (их, соответственно, 37, и все они основаны исключительно на фонетическом сходстве прусских и немецких слов): *Gerwischkehmen* = «журавлиная деревня» → *Gerwen* = «место дубления кожи»; *Bibillen* = «пчеловодство» → → *Billen* = «насека»; *Ribbenischken* = «на границе с необитаемыми территориями» → *Ribbenau* = «место, где мяли лен» и т. д.

Вопреки общей тенденции, нами отмечено целых семь случаев сохранения в новых топонимах структурных единиц прусского происхождения, что ставит под сомнение всю суть реализуемой пуристической кампании. В качестве подтверждения приведем следующие пары топонимов:

а) *Didlacken* → *Dittlacken*. Первый элемент пары состоит из двух балтийских компонентов, один из которых переводится как «большой», а второй обозначает «поле». Во втором элементе при помощи замены, основанной на фонетическом сходстве, германизируется только первый компонент (теперь он называет сорт картофеля). Второй компонент, балтийский по своему происхождению, по неизвестной причине остается неизменным;

б) *Klein Lenkeningen* → *Kleinlenkenau*. Несмотря на то что первый элемент пары — составной топоним, а второй — сложное слово, оба они трехкомпонентны, причем первый немецкий компонент со значением «маленький» и — совершенно необъяснимо — второй прусский компонент со значением «луг» фигурируют в обоих элементах пары, а третий компонент исходного ойконима, показывающий, что речь идет об обитаемом месте, германизируется с использованием типичного маркера немецкой топонимики *-au*.

Кроме того, зачастую нацистские пуристы избирали слишком сложные пути для согласованной германизации прусских и литовских топонимов.

1. Немотивированно добавляя в структуру отбираемых ими географических названий новые семантические компоненты (как в паре *Berszienen* = «березовое место» → *Grünbirke* = «зеленая береза»).

2. Объединяя в пределах одного акта переименования различные способы топонимического согласования, что наблюдается в случаях с номинациями:

а) *Mateningken* = «место проживания измерителей» → *Mattenau* = «место имени Матиаса», где первые компоненты двух топонимов согласуются через свое фонетическое сходство, а второй компонент исходного прусского топонима заменяется аналогичным по семантике топонимическим суффиксом немецкого языка;

б) *Georgenburgkehlen* = «канавы у крепости Георга» (знаменитого замландского священника) → *Kleingeorgenburg* = «малая крепость Георга». Мы видим, что первый компонент первого топонима переносится во вторую часть второго топонима; второй компонент первого топонима опускается; при этом ко второму топониму добавляется новый первый компонент;

в) *Walterskehmen* = «деревня Вальтера» → *Großwaltersdorf* = «большая деревня Вальтера». В результате данного переименования в новый топоним вносится исходный компонент *Walter*, слово «деревня» переводится с прусского на немецкий язык, после чего добавляется первый компонент со значением «большой», хотя в последнем шаге нет прагматической необходимости, так как в окрестностях описываемого поселения отсутствуют деревни со сходными названиями и, например, компонентом «малый».

Таким образом, даже ограниченное количество указанных нами примеров демонстрирует, что нацистскую кампанию по переименованию населенных пунктов Северо-Восточной Пруссии нельзя считать последовательным пуристическим мероприятием. Разумеется, в ее ходе отчетливо прослеживаются стремления гитлеровского руководства к германизации анализируемых земель, но данная германизация не была такой планомерной, какой ее пытаются представить современные историки.

Список литературы

1. Басовская Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920–1930-х годов) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. Вып. 7. С. 114–124.
2. Восточная Пруссия // Википедия : [сайт]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Восточная_Пруссия (дата обращения: 16.07.2013).
3. Когтева В. М. К вопросу о языковом пуризме в тоталитарных государствах // Вестник Московского городского педагогического университета. 2010. № 1. С. 73–79.
4. Скворцов Л. И. Культура речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 247.
5. Карты Пруссии до переименования 1938 года. URL: <http://ostpreussen.kulomzin.ru> (дата обращения: 16.07.2013).
6. Карты Пруссии после переименования 1938 года. URL: <http://www.posself-landkarten.de> (дата обращения: 16.07.2013).

Об авторе

Ольга Викторовна Петешова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: peteshova_olga@rambler.ru

About the author

Dr Olga Peteshova, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: peteshova_olga@rambler.ru